

СУДЬБА СОЛДАТА В РОССИИ

Фильм польского документалиста о Чечне
вряд ли покажут российским телезрителям

Неизвестная война 2000 - 2000 28 окт - 0 12

Елена Стишова

Ф ИЛЬМ польского документалиста **Мариуша Мальца** «Мать неизвестного солдата» уже видели польские телезрители, был он показан и по каналу «Арте» — так что многие европейцы тоже приобщились к этим душераздирающим, иначе не скажешь, свидетельствам: как русские матери ищут тела своих сыновей, сгинувших в Чечне еще на той, на первой войне. Пока ничего не остается, как рассказать читателям «НГ» о фильме, который по человеческим законам должны были снять наши. Не виню российских документалистов.

Картина Мальца предельно проста, без претензий на «высокое искусство». Пять синхронных, пять историй солдатских матерей, их героических сражений один на один с непробиваемой военной машиной, которая мало того что погубила необстрелянных призывников, но еще и навесила на них обвинения: кому в дезертирстве, кому — в переходе на сторону врага и краже оружия. А уж то, что место гибели солдат не было известно начальству, а если и было известно, то скрывалось от близких, потому что погибшие были брошены и не преданы земле, — это вроде бы в порядке вещей. Война все спешит.

Но матери ринулись спасать своих Сашек, Сережек и Вовчиков. Искать их по всему чеченскому фронту, среди живых и среди мертвых. Матери не плачут, рассказывая о своих поисках. Уже не плачут. Но вспоминается поговорка, кажется, чеченская: «Не приведи Господи смотреть в глаза женщины, потерявшей свое дитя».

Материнские лица на крупном плане притягивают и поначалу вытесняют из поля восприятия другие планы фильма. Они оживают потом, после просмотра. Фонограмма, где под сурдинку как-то эпически спокойно звучат записанные звуковиком закадровые реплики ветеранов. И ты узнаешь mimоходом, что остается от человека, когда разрывная пуля попадает за бронезилет. Как сторают в БТРе. Ну а что в бою отрывает части тела — так это

элементарная вещь... Перебивкой идут планы отпевания погибших в православном храме, причитания родных, преклонивших колена перед открытыми гробами. И ловишь себя на мысли, почти кощунственной: этим матерям и вдовам еще повезло — их близкие уходят в землю, на вечный покой, *целими телесно*. А героиням фильма пришлось землю чеченскую грызть, чтобы пасть на след пропавших и оболганных сыновей, потом разыскивать и собирать их тела именно что по частям — представьте себе этот ужас. Чаще всего поиск приводит в печально знаменитую — теперь уже всемирно — Ростовскую лабораторию, где в рефрижераторах годами лежат непознанные тела павших на той войне *незнаменитой*. Этот морг-холодильник представляет собой состав с вагонами, хвост которого уходит в глубины кадра. Конца не видно. Такой вот апофеоз войны.

Фотографии сыновей, какие всегда найдутся в домашнем архиве, — и в самом нежном возрасте, и школьные, и семейные, а потом и одна-две солдатские, самые первые, работают как эмоциональная информация — вот какими они были, красивыми да высокими. Но это еще и бесценный «вещдок», необходимый при идентификации неузнаваемо изуродованного тела. Линии черепа не меняются, и при наложении в компьютере на фото погибшего могут дать важнейшее свидетельство для опознания.

Вот кадр с носилками: камуфляжная униформа, из брюк торчат ботинки, там, где должна быть голова, — камуф. Под камуфляжем угадывается фрагмент тела. Фрагмент, видимо, идентифицирован и теперь может быть похоронен с воинским почестями. Значит, будет могила, место последнего упокоения и место, куда станет приходить мать к своему сыночку.

В фильме немало планов, вольно или невольно прочерчивающих мысль, слишком, пожалуй, сложную для репортажного телефильма. Но она прет с экрана — мысль о том, что есть кое-что страшнее смерти. Когда мертвого лишают права на неотторжимую собственность — его тело. Когда матери,

потерявшей сына, некого хоронить. Это невозможно объяснить словами, но это невыносимо *биологически*. Вот почему матерей не останавливать, когда они ищут свою плоть — она зовет их, и они это слышат. Экзистенциальный ужас утраты своей кровиночки, пропавшей в хаосе войны, поднимает этих женщин на подвиги, сравнимые разве что с подвигами античных героинь. Вот какие глубины копает скромная лента молодого автора. А ведь он не был там, где стреляют и где подрываются на минах. Попробуй туда походи, получи допуск и право на съемку. Мальц снимал синхроны в Нижегородской области — все его героини родом из тех мест. И имел на монтажном столе короткие эпизоды, снятые на территории Ростовской лаборатории. Ни отцы-командиры, ни батяни-комбаты на экране не появляются. И не надо. Картина беспредела, происходящего там, на войне, все равно рисуется. По материнским проговоркам. Выглядит она примерно так: низовое армейское начальство не контролирует ситуацию в своих подразделениях и сплошь и рядом не в состоянии объяснить исчезновение вверенных ему солдат. Те погибают в стихийно возникающих перестрелках, подрываются на растяжках, попадают в плен. Их никто не ищет, и после гибели многие так и лежат непогребенными, пока кто-то из местных не закопает тела хотя бы из санитарных побуждений. А в это время под пером штабиста рождаются «дезертиры» и «переребечики», на которых к тому же можно списать проданное боевикам оружие. Мать Володи Гушина, разыскавшая в морге тело сына, обвиненного в дезертирстве, нашла в себе силы судиться за честь своего Вовчика и выиграла дело. На это ушло четыре с половиной года. А Любовь Тумаева, прошедшая все круги ада, все еще ищет сына — не может добиться разрешения на эксгумацию солдатского захоронения.

Многие помнят, как Юрий Карякин, узнав результаты думских выборов 1994 года, проорал в микрофон на всю страну: «Россия, ты одурела!» Ныне влору возопит: «Россия, ты озверела!»